

Дмитрий Панасюк

**СМЕХ ДАДА КАК ЗНАК ПОЯВЛЕНИЯ ДРУГОГО
(ИСТОРИЯ ОДНОГО УТЮГА)**

Для нас всё это только причина развлечься
Когда мы смеемся – мы опорожняемся и
ветер проходит в нас, шевеля двери и окна,
вводя в нас ночь ветра
Поль Элюар. Развитие Дада

Если Вы находите все ваши идеи
бесполезными и смешными, то знайте,
что с Вами начинает беседовать Дада
Жорж Рибмон-Дессён

В 1921 году известный дадаист Мэн Рэй для своей выставки в Париже¹ сделал странный предмет, который он назвал «Подарок». Он взял обычный электрический утюг и наварил на него ряд гвоздей. Этот жест является настолько необычным и абсурдным, что просто сбивает человека с толку, вводит его в ступор. Зачем приваривать на рабочую поверхность утюга гвозди, которые отрицают весь замысел утюга как такового. Мой ответ прост – чтобы вызвать у человека смех. Этот смех дадаистский. Я полностью согласен с исследователем дадаизма Мишелем Сануйе, что этот жест является не сюрреалистическим, как позже потом стали считать, а он является порождением Дада, а именно «невозможность инстинктивного жеста (в данном случае – невозможность провести рукой по гладкой поверхности утюга), ставшего бесполезным, а вернее опасным (из-за гвоздей), порождает чувство неудовлетворённости, переходящее в удивление, а затем смех» [5, с. 278]. Речь идёт о дадаистском жесте, который лежит в основе всякого дадаистского действия (неважно, будет ли это простое прочтение стихотворения – с мусорным ведром на голове – или боксёрский поединок с чемпионом мира по боксу²). Я попытаюсь показать в данной статье, что наиболее важным основанием и целью дадаистского жеста является смех.

Но смех бывает разный. Возьмём, например, известный смех Мишеля Фуко, который послужил отправной точкой для написания его книги «Слова и вещи». Этот смех был вызван прочтением одного из рассказов Борхеса, в котором он описывает «некую китайскую энциклопедию». В этой энциклопедии дана необычная для европейского человека классификация животных на тех, которые, например, кажутся издали мухами, или набальзамированными молочными поросятами, или только что разбившими кувшин. По мысли Фуко, этот смех «колеблет все привычки нашего мышления – нашего по эпохе и географии – и сотрясает все

координаты и плоскости, упорядочивающие для нас великое разнообразие существ, вследствие чего утрачивается устойчивость и надёжность нашего тысячелетнего опыта Тождественного и Иного» [10, с. 31]. Обычный представитель западноевропейского образа мысли, сталкиваясь с таким необычным для него перечислением, впадает в состояние эпистемологического шока. Валерий Александрович Подорога в своей работе «Выражение и смысл», комментируя смех Фуко, пишет, что при чтении «китайской энциклопедии» Борхеса «на рационально-дискурсивный опыт чтения налагается строгий запрет. Чтение продолжается, но о читаемом ничего нельзя сказать; открывается пространство, которое не может быть заполнено речью-комментарием, — некая разновидность *языковой пустоты*. Невозможно говорить, ибо растерянность европейского читателя перед *вдруг* заявившими о своём присутствии иными пространствами жизни, высветившими области хаоса, хрупкость и изменчивость любой догмы порядка, не перестаёт возрастать. Тождественное и Иное, оказывается, не имеют общего места встречи, они — противники, не союзники, между ними раскол, зияние, пустое пространство, немота несходства» [4, с. 13].

Я предлагаю следующее утверждение: смех Дада имеет точно такую же природу, как и смех Фуко. Сам замысел дадаистского движения подразумевал в себе этот эпистемологический шок европейски мыслящего человека, подразумевал протест против застоявшихся и насквозь прогнивших правил того, что принято называть *common sense* (ко времени Дада сделавшимся весьма скучным понятием). Это, по сути, то, что Бернхард Вальденфельс описывает понятием «классической формой порядка». Вальденфельс выделяет в ней следующие признаки: а) преданность человеку во времени; б) то, что она всеобъемлюща; в) более или менее прочная установка; г) повторение в своих основных чертах. Эта форма порядка противопоставляет себя хаосу, который представляет собой лишь бессмыслицу, или ничто, для считающего себя абсолютной истиной и абсолютным центром классического порядка. Она нашла своё выражение в греческом космосе, в средневековом *Ordo*. Эта форма порядка, по мысли Вальденфельса, разрушалась сама по себе, так как «швы и трещины были во множестве искусно забелены и насильственным образом заделаны — вплоть до искоренения того, что не нашло в нём своего места» [1, с. 109].

Классической форме порядка Вальденфельс противопоставляет «современную», основным стимулом которой является подозрение, что этот кажущийся нерушимым и всеобъемлющим порядок есть лишь один среди других возможных порядков. Основными признаками современного порядка являются: а) переменчивость; б) ограниченность; в) обнаружение подвижных границ; г) допущение затрагивающих основ инноваций. Эти новые порядки жизни несут с собой смещение привычных границ, ведут к

новым формам вопрошания, испытания, изобретения. Дада, по моему мнению, представляет собой попытку внедрения этой «современной» формы порядка, когда предлагает влиться в «бездну безбрежной бессмыслицы, которую возможно представить в наглядной метафорике лишь в виде умопостигательных абсурдностей и свежееобретённого маразма» [2, с. 48]. Рихард Хюльзенбек, пытаясь открыть глаза бюргеру, чтобы по-новому взглянуть на вещи, скандирует: «Дада-искусство являет совершенно реальный мир. Кто не слышит лая морских коров, арий троглодитов, кто оставляет без внимания тревожные телеграммы метафизических игуаноносов, кто считает всё это простыми фантазиями – тому предстоит ещё многому научиться, прежде чем он созреет для дадаизма» [2, с. 45–46]. В этом предложенном пути дадаизма скрывается иной порядок мысли, в нём скрывается само Другое. Как пишет Подорога: «Ещё мгновение назад нас отделяла от Другого толща дискурсивного, «хорошо артикулированного» языка, но вот до полупрозрачной плёнки истончилась ткань наших привычных телесных, речевых, психологических позиций, и правила тождественности, регулирующие различия, больше не действуют, инаковый мир вторгается в нашу экзистенциальную территорию, наше нарцисстическое Я лишается своего последнего убежища – Внутреннего» [4, с. 16]. Но что случается, когда Другое нарушает привычный порядок мысли? Возникает Смех. Смех как нарушение нормального дыхательного ритма, как респиративный знак предела мысли. «Смех нарушает упорядоченность дыхательного ритма. Вот *вдох*, как если бы лёгкие заполнялись значениями читаемого, но вот дыхательный *обрыв*, удивление, замешательство, невозможность сказать, ибо то, что вошло в нас со вздохом, закрыло собой путь к выходу. Вот почему *выдох* не может быть ритмически скоординирован со вздохом и необходимо дополнительное усилие, разрядка, взрыв хохота, которым будет пробита дыхательная запруда, именно тогда удивление перед присутствием Иного в нас, поражающее дыхательные пути, перейдёт в удивление перед отсутствием места, той пустотой и зиянием, откуда начались наша речь и мысль» [4, с. 14–15]. Этот смех имеет физиологически-телесную природу, выражающуюся в содрогании, конвульсии, прерывающемся, словно икота. Читая или слушая фонетические поэмы Рауля Хаусмана или Тристана Тцары, состоящие из набора бессмысленных звуков, переживаешь ощущение задыхающегося эффекта у её читающего, как будто в конвульсии он ловит грудью воздух, который предательски отказывается заполнять грудную клетку. Тристан Тцара особенно заботился отысканием способов выражения, с помощью которых было бы возможно как-то высказать тот новый смысл, который хотели найти дадаисты. Как он пишет в одном из своих писем: «Уже в 1914 году я пытался освободить слова от их значения и применить их таким образом, чтобы стихотворение приобрело некий новый

глобальный смысл с помощью тональности и слышимого контраста. Эти опыты нашли своё завершение в абстрактном стихотворении «Того вака», которое целиком было скомпоновано из найденных мною звуков и не содержало никакого намёка на действительность» [8, с. 170]. Это стихотворение было стилизовано под новозеландскую традиционную поэзию племени маори. Воспринимая его на слух, европейский человек скорее подумал бы, что читающего постиг эпилептический удар, или он задыхается, или он несёт какой-то бред. А в сущности это была попытка дать слово самому Другому, непосредственно отдаться во власть Иному порядку мысли. Этот смех, который я анализирую, метафизичен по своей природе, он принадлежит не самому смеющемуся субъекту, он принадлежит «*тому Другому, который внезапно вторгается в наш мир и отменяет его прежнее 'начало'*» [4, с. 16]. Дадаизм постоянно пытался согрести мир появлением нового порядка мысли³, не закованного в цепи логических законов, освободить из рабства разума мир искусства, найти существование *возможности* другого. «“Чувству возможности”...открываются возможные миры и возможные формы жизни, которые нельзя втиснуть в бинарную решётку истинного и ложного, доброго и злого» [1, с. 108]. Это было возможно сделать, только выполнив большую работу разрушения и отрицания. «Всё вымести, всё вычистить. Личность обретает чистоту, пройдя через состояние безумия, безумия агрессивного, полного, безумия мира, отданного в руки бандитам, раздирающим друг друга и уничтожающем века. Без цели, без замысла, без организации...» [7, с. 96]. Для начала надо было отчистить искусство от сковывающих рамок логики, чтобы по-новому взглянуть на вещи. «То, что нам нужно, – это произведения мощные прямые точные – и навечно непонятные. Логика – это усложнение. Логика всегда ложная. Она тянет за ниточки понятий, слов, она протягивает их от внешних пределов формы к кончикам иллюзорных центров. Её цепи убивают, чудовищная многоножка, думающая независимость. Обручённое с логикой, искусство будет жить в инцесте, поглощая, пожирая свой собственный хвост своё же тело, будучи с самим собой, и темперамент превратится в просмоленный кошмар протестантизма, в монумент, в кучу сероватых и тяжёлых кишок» [7, с. 95].

После упразднения арматуры логических законов стало возможно взглянуть на мир по-новому, сквозь призму полной свободы. И стало возможно засмеяться по-новому. Как пишет об этом один из столпов дадаизма Фрэнсис Пикабия: «Не работайте, не любите, не читайте, думайте обо мне; *я открыл новый смех* (выделено мной – Д. П.), дающий пропуск. Живи для собственного удовольствия. Ничего не надо понимать, ничего, ничего, ничего, кроме смысла, который ты сам придаёшь всему» (цит. по: [5, с. 199]). Это было открытие нового порядка жизни. Само Иное ворвалось в толщу жизни, погрязшей в скуке бытия, инфицируя её мыслью что «всё

с таким же успехом могло быть и *иначе*»⁴. Этот факт показывал, что дадаисты изменили не только ход мысли европейского человека, но и ход его жизни. Новый смех открыл новые плоскости бытия, так как «столь затянувшееся удивление, высвобождающее себя в смеховом спазме, тем сильнее, чем более мы осознаём, что Иное являет собой *другой* порядок, и не только мысли, а и жизни» [4, с. 15]. Новый порядок жизни требует больше хаоса и парадоксальности: утюга с гвоздями, балеринской пачки, надетой на бородатом поэте⁵, понятий, вывернутых шиворот навыворот, переходящих друг в друга⁶. Короче говоря, дадаизм предложил воспринимать жизнь во всей её полноте, со всеми её противоречиями, хохоха окунуться в самую гущу жизни: «...упразднение логики, танца бессилия импотентов творчества: дада...; упразднение памяти: дада; ...свобода: дада, дада, дада; вопль напряжённых красок, сплетений, противоположностей и всех несообразностей, гротесков, противоречий: *жизнь*» [7, с. 97].

Смех Дада открыл новые грани жизни европейского человека. Он нарушил тысячелетний опыт Тожественного, приоткрыв то Иное, в котором нуждалось как искусство, так и сама жизнь европейского человека. Этот смех был услышан и развит спустя лишь 20 лет поэтами и писателями ОБЭРИУ (Хармс, Введенский, Липавский и т. д.), которые по-своему применили метод обесмысливания смысла. Но, так или иначе, дадаисты предприняли первыми, наиболее талантливо, по моему мнению, такую серьёзную и мощную встряску обрюзгшего тела европейского обывателя. Они были те самые «...новые люди. Суровые, подпрыгивающие, оседлавшие икоту» [7, с. 92].

Примечания

¹ По крайней мере, он общался в то время с Марселем Дюшаном и Фрэнсисом Пикабиа (на тот момент жившими в Нью-Йорке) и явно был увлечён дадаистскими идеями. Выставка эта, к слову, была долгожданной со стороны парижских дадаистов, которые были наслышаны о нём от того же Дюшана и Пикабиа. Они, в свою очередь, отзывались о его работах только восторженно. А мнение Дюшана и Пикабиа в среде парижских дадаистов было авторитетным.

² Истинный дадаист Артюр Краван вышел на бой против чемпиона мира в тяжелой весовой категории Джека Джонсона. «Краван в первом же раунде едва не отправился в нокаут, и матч сознательно затягивали для повышения зрелищности. Получив-таки роковой удар, Краван, едва встав на ноги, громко *расхохотался*» (выделено мной – Д. П.) [3]

³ Как писал Тристан Тцара в «Цюрихской хронике 1915-1919»: «Дада удалось установить круговорот абсолютного бессознательного в зале, который забыл границы предрассудков воспитания и почувствовал сотрясение

НОВОГО. Окончательная победа дада» [9, с. 22].

⁴ Краеугольная мысль произведения Роберта Музиля «Человек без свойств».

⁵ Именно так однажды выступал Пикабия.

⁶ См., например стихотворение Филиппа Супо «Пятеро братьев»:

Будут у слонов подтяжки
Будут шляпы у судейских
Червяки Бовриля выпьют
В лимузинах белошвейки
Будут ездить. И улитки
Превратятся вдруг в верблюдку
Вот тогда мы воскликнем
СПАСИБО» [6, с. 75].

1. Вальденфельс Б. Порядок в потенциале // Вальденфельс Б. Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / Научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова.– Мн.: Прополис, 1999.– 176 с.
2. Даймонид. К теории дадаизма // Альманах Дада.– М.: Гилея, 2000.– С. 45–49.
3. Дубин С. «Самоубитые обществом»: Риго, Ваше, Краван // Иностранная литература.– 1999.– № 11.– <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/11/dubin.html>
4. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Сёрен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка.– М.: Ad Marginem, 1995.– 431 с.
5. Сануйе М. Дада в Париже / Пер с фр.– М.: Ладомир, 1999.– 638 с.
6. Супо Ф. Пятеро братьев. Цветки томата // Альманах Дада.– М.: Гилея, 2000.– С. 75.
7. Тцара Т. Манифест дада 1918 // Альманах Дада.– М.: Гилея, 2000.– С. 89–97.
8. Тцара Т. Тото-Вака // Альманах Дада.– М.: Гилея, 2000.– С. 42.
9. Тцара Т. Цюрихская хроника 1915–1919 // Альманах Дада.– М.: Гилея, 2000.– С. 12–23.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.